

Е.Н. Трезубова

Филиал Кубанского государственного университета
в г. Славянске-на-Кубани

**СЛОВО КАК «ЖИВОЕ ВОЗЗРЕНИЕ»: АУДИАЛЬНЫЙ КОД ДИАЛЕКТНОЙ ТРАДИЦИИ
В СВЕТЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ИДЕЙ Ф.И. БУСЛАЕВА
(НА МАТЕРИАЛЕ КУБАНСКИХ ГОВОРОВ)**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и администрации Краснодарского края,
проект № 18-49-230011 р_а «Антропология народной традиции: лингвокультурологическое исследование
(на материале кубанской диалектной культуры)»*

В статье в свете идей Ф.И. Буслаева проводится лингвокультурологический анализ диалектной лексики, в которой получили отражение аудиальные впечатления кубанцев, носителей говора вторичного образования, формировавшегося в процессе освоения северо-западной части Кубани запорожскими казаками с момента их переселения. Вектор анализа, заданный в трудах знаменитого ученого, получил развитие в современных работах диалектологов лингвокультурологического направления. Этнолингвистический анализ «открывает» исследователю этнокультурную личность кубанца, чутко воспринимающего мир и воплощающего его в звукописи диалектного слова.

Аудиальный код, диалектная традиция, этнолингвистический анализ, кубанские говоры.

Идеи антропологической лингвистики разрабатывались в России задолго до нового всплеска интереса к взаимосвязям языка и культуры, который получил воплощение в многообразии терминов современной науки – лингвокультурология, этнолингвистика, когнитивная лингвистика, концептуальный анализ, этнолингвокультурология и др. Существенным представляется, по мнению Н.И. Толстого, «рассмотрение не только и не столько отражения народной культуры, психологии и мифологических представлений в языке... сколько конструктивной роли языка и его воздействия на формирование и функционирование народной культуры, народной психологии и народного творчества. Это активное свойство языка создавалось уже в XVIII в. И.Г. Гердером и несколько позже, в XIX в., В. Гумбольдтом и его многочисленными последователями. Его признание и влияние характерно для ранней русской филологической и языковедческой традиции, для Ф.И. Буслаева, А.Н. Афанасьева и особенно для А.А. Потебни» [16].

Основоположником отечественной этнолингвистики Ф.И. Буслаев назван первым в ряду замечательной плеяды русских языковедов, чьи труды основательно перерабатываются в наше время. Разрабатываются методы этнолингвистического исследования, лингвокультурологической интерпретации, концептуальный и кросскультурный анализ, что отражает ситуацию поиска методов антропологической направленности для изучения языка. Активно ведутся изыскания в сфере связей мифа и языка на материале славянских языков: реконструированы важнейшие концепты славянской картины мира и рассмотрены на фоне других лингвокультур.

Обращение к трудам Ф.И. Буслаева сегодня носит не формальный характер, напротив, мысль и слог

его работ живоносны и необходимы в ситуации кризиса современного образования. О.В. Никитин в своем докладе, посвященном 200-летию ученого, так определил феномен его языковой личности: «Филологией духа пронизано все наследие Ф.И. Буслаева (1818–1897), вобравшего лучшие традиции историков, этнологов, педагогов, искусствоведов и языковедов XIX в., когда и происходило формирование национальной словесности как науки – выразительницы духа, народной культуры, верований и творческих исканий славистов, поднимавших стяг знания языка над серостью и косностью отсталых идей, над “полицейскими законами” обучения и проносивших его с достоинством, несмотря ни на какие лишения и либеральные взрывы “прогрессивной” интеллигенции» [7, с. 79–80].

Ф.И. Буслаев исследует культуuroобразующее «творчество народной фантазии» и генеративные свойства языка. Его занимает способность языка «пользоваться полной свободой в применении корня слова к тому или другому впечатлению... эта способность находит для себя радость в составлении и восприятии форм языка есть та могущественная сила, которая заставляет человека трепетать при звуках родного слова, которая электрическую цепью пробегает по всем членам многочисленного племени, связывая их друг с другом нежнейшими узами духовной симпатии, подобно тому, как узы крови роднят членов семьи» [2, с. 178]. Это суждение ученого достаточно точно выражает сущность народной лингвокультуры. Устная форма бытования диалектной традиции и сегодня позволяет исследователю «заглянуть» в тайну троичного союза *человек – язык – культура*, в котором все элементы являются одновременно и продуцирующими, и продуктами (см. также [9]).

Вектор анализа, заданный в трудах знаменитого ученого, получил развитие в современных работах диалектологов этнолингвистического направления (см., напр. [15; 17; 18]).

Предметом анализа в нашей статье является большей частью лексика метеодискурса коренных жителей северо-западной части Кубани, в которой репрезентированы преимущественно аудиальные впечатления. Этнокультурные особенности диалектной личности проявляются в процессе семиотизации природного мира, когда услышанное запечатлевается в знаках языка. Современный метеодискурс кубанской локальной культуры отражает повседневную жизнь, по своему тематическому наполнению прагматичен и строится на таких актуальных компонентах, как субъект 1 (человек), субъект 2 (стихия, метеоявление), объект (огородные культуры, животные, человек, постройки), результаты воздействия субъекта 2, действие и состояние субъекта 1 [17, с. 134]. Однако дискурс – это процесс, развернутый в синхронии, возможность существования которого обеспечивается наличием уже существующих языковых кодов и механизмов. Инструменты лингвокультурологического анализа позволяют нам обнаруживать интерпретации природного мира, скрытые во внутренней форме метеонима, которая, как правило, не актуализируется говорящим, но, очевидно, считывается им как элемент родного культурного кода. Приведем такой диалог:

– Пойды глянь там звэрху нычѣго нѣма?

– О! Дощ будэ. Диды на нѣби посидалы!*

В диалоге встречаемся с устойчивым изречением жителей (примета) приморских станиц Кубани о семи больших «бородатых» кучевых облаках на чистом небе *Диды на нѣби посидалы* (ст. Старотитаровская). Истолковывается это явление обычно как предупреждение об обильном благодатном дожде. Очевидно, что *диды* – предки, которые хранят свой род, извещают о плохих/хороших событиях; и эта информация чрезвычайно важна, так как вся хозяйственная жизнь станичника обусловлена погодой. Устойчива также и форма вопроса, побуждающая собеседника выйти на улицу и собрать данные для «метеопрогноза». «Осколки» мифологической картины мира, которые сохранились в языке, но при этом утратили внутреннюю форму (поскольку утрачен и сам миф, смыслы которого воплощались на разных уровнях лингвокультуры), активно бытуют в речи диалектоносителей и являются идиомами в составе метеополя диалектной лингвокультуры, поддерживая живое впечатление, актуализируют всякий раз в процессе коммуникации этнокультурные коннотации, оживляя и мотивирующую базу метеоприметы.

О солнечном (слепом) дожде в кубанских станицах говорят *Ви'дѣма ло'жкы мы'е*. Такой дождь в жару губителен для огородных культур. Устойчивая летняя засуха также объясняется «пронсками» ведьм. В отличие от первого примера здесь мы встречаемся с «живым» мифом, который имеет много вариаций и сюжетных разветвлений. В ст. Старотитаровской нам рассказали, что поселок так и называют *район три-*

ста ведьм, пояснив, что ведьмы отводят дождь, вредят людям, сдаивают молоко у коров.

Приведенные высказывания вводят нас в мир устной этнолингвокультуры, отличающейся не только особыми механизмами объективации действительности в слове, но и специфическими моделями сохранения и транслирования актуальной для нее информации.

Фонетическое слово в традиционной среде является этнокультурным маркером, но одновременно, будучи смыслопорождающим, оно запечатлевает склад мысли и души этноса. Внешняя форма языка, связанная с аудиальным восприятием мира, рождается «...из индивидуальных свойств стремления к произнесению понятных звуков, из индивидуальности звукового чувства и, наконец, из индивидуальности органов слуха и речи. Возникает особая звуковая система каждого языка, являющаяся, как за счет своего первоначального соответствия всей языковой настроенности индивидуума, так и за счет своего многообразного, неуловимого во всех своих частностях, влияния на сферы языкового строения, основой конкретной специфики всего языка в целом» [3, с. 411]. Фонетическое слово и далее – фонетическое предложение – темп речи, система ударений, интонационный рисунок – все это является определяющим в условиях осуществления этнокультурной коммуникации. Все это образует некую музыку языка и формирует в сознании человека привычные, «родные» аудиальные образы, которые со временем приобретают значение культурной ценности. Языковое сознание организует их в систему стандартов, устойчивых культурных единиц, выполняющих функции этнокультурных символов, знаков культурного распознавания. Приведем размышления самих диалектоносителей, в которых выражено понимание языка как этнокультурной ценности: *Наш кубанский йзык ридный. Тут рослы, так и балакаим. Гаварыть тилькы на сваѣм, патаму шо вин наш. Па йзыку зразу скажэм, шо наш чи нѣ наш. Бачимо, шо нѣ нашы по йзыку. Со времѣн молодости йзык нѣ измынывся, а маладѣжы нѣ так дажѣ и жѣвѣца. Всѣ есть, а нычѣго нѣ купыш... Погано, шо диты забувають йзык, вин родымый. Стари слова умырают з людмы. Богато вжѣ позабувалы...* (ст. Новониколаевская). В работах современных диалектологов также содержатся примеры метаязыковой рефлексии диалектоносителей: *В Бату'риной с Верши'ниной совсем ра'зны... Речь-то ра'зна... По другому же говорят, совсем по-другому...* [5, с. 266].

Устойчивость фонетической системы диалекта обусловлена, как считают лингвисты, своеобразием артикуляционной базы, свойственной определенной лингвокультуре [6, с. 121]. Уста «перемальвают» чужое слово до тех пор, пока оно не примет облик, соответствующий фонетическому и грамматическому строю родной речи. Через призму этнокультурного языкового чутья (здесь актуально именно «Чу!»), *чутья* в значении ‘слышать’) воспринимаются звуки природного мира, порождая этнокультурные тексты, в которых получили воплощение аудиальные впечатления. Диалектный дискурс «рассказывает» о человеке, вслушивающемся в мир. Звуки мира природного яв-

* Здесь и далее в статье приводятся данные из библиотеки Электронного корпуса диалектной культуры Кубани.

ляются актуальной информационной базой, «звук становится сигналом-указателем, дешифрующим ситуацию; в определенных случаях его одного достаточно для ориентации и определения некоего «жизненного сюжета». Так происходит семиотизация звукового пейзажа, т.е. отбор и содержательная интерпретация звуков, прежде всего природных» [18, с. 150]. Этот этнокультурный феномен заслуживает внимания в особенности сегодня, когда в социуме превалируют визуальные способы восприятия и объективации информации, с усердием назидаемые медийными культуротворцами. Отметим также, что современный человек повседневно автоматически, инертно пользуется словом, креативность создателей медиадискурса проявляется в языковой игре, случайных сближениях слов, обозначающих далекие по существу предметы. Эти эффекты носят развлекательный характер, порождаются с целью мгновенного воздействия, не являются содержательно и аксиологически культуросоносными.

Лингвокультура диалектная демонстрирует принципиально иной способ языкового творческого взаимодействия с миром:

Жабы в болоте: «Чиц цэ вэнтери? Чиц цэ вэнтери?» – «Мыкита поставыв! Мыкита поставыв!» – «Нэ руш! Нэ руш!» – «Мырошныку-ку-ку-ку, дай мэни муки-ки-ки-ки, а я тобі рака-ка-ка-ка!» Ст. Шкуринская, Мирон Пивень [10, с. 23]. Человек сельский вслушивается в сложный звукопорядок лягушачьих «ораторий» и репрезентирует его в форме диалогов средствами диалектного языкового кода (знаменитое аристофановское бре-ке-кес-коакс-коакс явно уступает кубанскому).

Не менее выразителен звукоподражательный ряд, представляющий «песню» птички-комышанки:

– *Карась, карась, льнь, льнь, льнь!*

– *Скребу, скребу, йим, йим, йим!* [Там же, с. 23].

Часть этой звукоподражательной формулы была записана нами в ходе полевой работы в 1999 году в беседе с рыбаком в ст. Старовеличковской:

Я думаю дай на рассвете пойду на рыбалку. Ладно. Ну хватка у мэнь тры на тры здоровая, потом крэпкая. Пошол я, поставыл. Ну, тэпло, птычка так, знаеш, серенькая карась-карашь-льнь поёт, чирик-чирик, и так душа радуица. Ну, думаю, потяну хваткой, ужэ рас – нэ могу вытянуть. Эти ономастические произведения порождаются в среде рыбаков. Казаки традиционно занимались рыболовным промыслом. Ср. донск. о ленивом человеке *Ляжить як сом на икре...* [1]. *Ходить як лить по дну* [Там же]. Возможно, только рыбак так способен вслушиваться в звуки мира и всматриваться в соотносительность поведенческих актов рыб и человека (не случайно говорят, что рыбалка – это русская медитация).

Звуковой метеопейзаж в кубанской лингвокультуре репрезентирован предикатами *дзюрэ', зюрчи'ть, цэбэны'ть, цви'ркае, цокоты'ть* и др. В метеодискурсе они наделены семантикой интенсивности, внутренняя форма не актуализируется, однако лингвокультурологический анализ позволяет обнаружить звукоподражательный характер их основ. Кубанский говор формировался на базе преимущественно украинских говоров, при участии южнорусских, а также соседних

донских, поэтому для сопоставления привлекаются данные этих диалектов.

О дожде сильном, упругом в кубанских станицах говорят *Доць дзюрэ'... Оцэ дзюрэ', бидну ягоду побье* (ст. Старотит.). Ср. куб. *дзюрыть* – течёт струёй, струится (о воде, о напитке) [15, с. 85]. Явно из укр. *Дзюрчати...* гл. Журчать. *Дзюрчить біжить криниченька, наповня ставок.* К. Досв. 157. *Дзюркотати...* гл. Течь съ шумомъ, журчать. *Дзюркотіла з гори вода, збігаючи ринвою між куцями.* Левиц. Пов. 276 [13, т. 1, с. 380].

О тихом длительном дожде говорят *зюрчи'ть. Тыхо в хати, шо слышно як дожь зюрчи'ть. Зюрчи'ть вись дэнь, нэ встанэ* (ст. Старотитаровская). Отметим также известное кубанским говорам *сюрча'ть* – о звуках, издаваемых сверчком (ст. Старовел.). Ср. также: укр. *Сюрчати...* 1) Жужжать, трещать (о насѣкомыхъ). *Там коники (польові) кричали та сюрчали.* Мир. ХРВ. 39. 134 [13, т. 4, с. 239].

Ономатопейный предикат *цви'ркае* известен и украинским, и южнорусским говорам, образовался на основе аудиальных ассоциаций, вызываемых звуками, издаваемыми сверчком или птицами. В словарях, описывающих языки-источники, отсутствуют примеры расширения синтагматики предиката. Ср. *Сверчок* м. *сверч* пск. *сверц* стар. *циркун, цвиркун, цирюкан...* (Сверчок, конечно, от *свирать, свирещать*) [4]. Также: *Цвиркун* м. южн. насекомое сверчок, *Grullus domesticus*, запечник, от *цвиркае, чирикае; цвирканые* ср. *чириканье*, трельный свист сверчка, производимый им крыльшками [4]. В укр. также *Цвіркати, -каю, -еш, гл. 1) = цвірчати. Птах цвіркат* [13, т. 4, с. 424]. «Живую» основу переноса обнаруживаем в диалектном дискурсе, где предикат метафорически соотношен с субъектом – источником звука: *Доць цви'ркае, як сверчѣк* (ст. Старотитаровская).

Звукоподражательную основу обнаруживаем и у предиката *цокоты'ть*: *Батько, шо воно цокоты'ть, хиба помешае нам доць у стэпъ выйты?* (ст. Старотитаровская). Ср. укр.: *Цокотати, -чу, -чеш, цокотіти, -чу, -тиш, гл. 2) Стрекотать. На мойй дерезі тільки цвірінкають горобці та цокотять сороки.* Левиц. I. 119. 3) Говорить быстро, высокими нотами. *Дівчата, мов ті сороки, цокотали.* Шевч. 454. *Не та стала дівка: до хлопців цокоче, як ясочки грають Марусини очі.* Греб. 393. *Нікчемний той рід жіночий, каже: все б їм гуляти! Гуляють та цокочуть, як ті сороки.* МВ. I. 83 [13, т. 4, с. 435].

О дожде бойком, сильном говорят *цэбэны'ть. Ще слабэнький дощик, к ночи зацэбэны'ть* (т.е. пойдет сильнее) (ст. Старотитаровская). *Доць цэбэны'ть, шо по хатам разбиглысь* (ст. Старотит.). Вероятно, соотносится с укр. *Цабанити, -ню, -ниш, гл. 2) Говорить нѣчто ни съ чѣмъ несообразное, чудовищное. Желех. – ціну. Запрашивать непомѣрную цѣну. Желех. 3) Бранить, ругать. Фр. (Желех.)* [13, т. 4, с. 422].

Синкрету *непогода-пустословие* обнаруживаем также в ряде слов с корнем *лип-, леп-, -ляп*. Куб. *ли'пень (л'ипэн')* 'дождь со снегом, мокрый снег', *лепня* 'мокрый снег'. Ср. также куб. предикат *ліпэ* о резком мелком дожде со снегом и укр. разг. *сних ліпэ* 'идет', а также и рус. *Лепень, лепень* (от лепить?) м. мокрый снег хлопьями, хижа, мякоть, ляпуха, *лепень* 'мокрый

снег с хлопьями, хижа, слякоть' [4]; *лепя'* 'липкий мокрый снег с хлопьями' (от лепить). *Лепня* ж. симб. липкий, мокрый снег хлопьями, дрябля, хижа [4]. Ср. донск. *лѣпать* 'болтать, пустословить', 'хлопотать' [1, с. 261], куб. *ля'пать* (*ляпа*) 'о снеге, который идет крупными хлопьями', 'о дожде крупными каплями', *ляпоты'ть* идет звонко (о дожде), в деул. говоре отмечено *ляпалка*, бран. 'болтуня', *ляпистый* 'болтливый, говорящий что-л. невпопад' [12, с. 271]. Ср. в совр. укр. *ляпати язиком* 'болтать', в полт. говорах *ляпун* 'человек, любящий поговорить'. Укр. *ляпати*, *-паю*, *-еш*, *сов. в. ляпнути*, *-пну*, *-неш*, *гл. 1*) Хлопать, хлопнуть, стучать, стукнуть. 2) Шлепать, шлепнуть, плескаться, плеснуть. 3) Шлепать, шлепнуть, бросать, бросить что-нибудь липкое и мокрое. 4) Пачкать, пятнать; капать, капнуть. 5) Ударять, ударить. 6) Неумѣло говорить, сказать что-нибудь, болтать, сболтнуть. *Приневолили короля таке слово ляпнути, що багачько воно лиха наробило*. Стор. II. 133. *Не ляпай язиком!* [13, т. 2, с. 392].

В основе метеопредикатов могут быть и звуки бытовые: *шкварыть* (о шумном, громком дожде). *Шкварэ, хочь ушы завязуй* (ст. Старотитаровская). Ср. у П.И. Ткаченко *шкварча'ть* – жариться, пузыриться [15, с. 222]. Метафорический перенос является способом выражения синтетического значения 'интенсивность' + 'экспрессия'. Синкрета актуализирована дополнительно синтаксическим экспрессивом ...*хоч ушы завязуй*. Предикат не является спонтанно созданным, единичным. Так у В. Даля находим *Шквара и шквира южн. новорос. зимняя непогода. | Летняя шквара, невыносимый зной* [4]. Ср. укр.: *Шкварити*, *-рю*, *-риш*, *гл. 1*) Сильно нагрѣвать, жечь. 2) Жарить, поджаривать (въ салѣ, маслѣ). *Якусь особу мацапуру там шкварили на шашилку*. Котл. Ен. III. 46. 3) Дѣлать что либо съ силой, напряженіемъ (бить, бѣжать и пр.). *Хлопці так і розин'яли Потоцького та й давай шкварить*. Рудч. Ск. II. 206 [13, т. 4, с. 499].

В этой же группе экспрессивов находится и предикат *шпарэ* о сильном дожде. Ср.: *Шпарити*, *-рю*, *-риш*, *гл. 1*) Обваривать кипяткомъ. 2) Бить, колотить. *Заведуться ляхи з козаками і почнуть один одного товкти та шпарить*. Стор. МПр. 45 [13, т. 4, с. 509]. Ср. также у В. Даля *Шпаркий* смол. зап. южн. прыткий, быстрый, скорый, проворный, бойкий [4].

Рассмотренные метеопредикаты восходят к звукоподражательным синкретам, которые в языках-источниках называли и звуки человеческой речи, и природные звуки, причем вектор ассоциаций мог быть разнонаправленным. О синкретизме древней корневой морфемы писал Ф.И. Буслаев: «Так как предмет получает название от впечатления, производимого им на душу, то весьма естественно одним и тем же словом могли называться ветер, стрела и быстрая птица, потому что все эти предметы производили быстрое впечатление» [2, с. 7]. *Цокотать* в укр. о птичьих звуках, о речи, лишенной смысла и *цокоты'ть* о дожде в куб. гов.; *дзиркота'ть* в куб. говорах о чужой непонятной или неразборчивой речи и укр. *дзюркотать* «журчать», *цабанити* в укр. ругать, бранить и *цэбэны'ти* в куб. о звуках дождя. Этот древнейший восточнославянский код (и, очевидно, общеславянский) устной традиции обнаруживает себя

и в названиях ветров. Сильный ветер на открытом возвышенном месте в кубанском диалекте называется *бэ'лыбэнь* (ср. рус. *болобон*), соотносится с полт. *белебень* 'открытая пустая местность без растительности', 'очень холодный ветер' [11, с. 5] и с кур. *Белебенить* 'балабонить, без умолку молоть', *белебенья* 'пустомеля, пустоплет, болтун' [4]. Ср. также донск. *Белебенить* 'пустословить, болтать', *белебенья* 'болтун' [1]. Укр. *белебень*, *-бенья*, и *-бня, м. 1*) Возвышенное и открытое мѣсто. Употребляется чаще въ выраж.: на белебні – на юру. *Тут Заверюха б'є, а наші чумаки стали валкою на белебні*. Екат. *Розумна голова: на белебні затишку хоче*. Ком. Пр. № 409 [13, т. 1, с. 49]. *Белебенити*, *-ню*, *-ниш*, *гл. Болтать, баять. Баби белебеньять, що реп'яшки від зубів би то помагують*. Черниг I [Там же].

Холодный западный ветер со стороны Керчи *кэрчан* имеет звукоподражательные синонимы *грэмунка'н*, *трэмунка'н*. *Учѣра грэмунка'н уси лодкы прэвэрнул* (ст. Старотитаровская). Оба звуковые комплекса образованы от укр. *Грімотати*, *-чү*, *-чеш*, *гл. и грімотіти*, *-чү*, *-тиш*, *гл. Грохотать, гремѣть*. Мнж. 22. *Коли це стукотить-грімотить, кобиляча голова біжить*. Рудч. Ск. II. 66. *Тоді мене, моя мила, ждати-підждати, як стане по небу грім грімотати*: Мет. 452. I [13, т. 1, с. 327]. И *Тремтіти*, *-мчу*, *-тиш*, *гл. Дрожать, трепетать. Нехай тремтять, рикають гори*. К. Псал. 111. *Роса на листьях тремтіла*. Шейк. *Затихає голос, тремтять*. Левиц. ПЙО. I. 495 [13, т. 4, с. 281].

Лингвокультурологический анализ диалектного слова позволяет реконструировать языковую картину мира восточных славян, в центре которой творец слова (ментального образа мира) – человек слушающий, проникнутый слухом в природу собственной речи и окружающего мира, он же и человек мира духовного, ибо все, что звучит, все говорит, свидетельствует о себе звуком-словом. Человек, наделяющий мир языковой способностью и объективирующий его на основе этнокультурного фонетического кода. Мир в его восприятии – многоголосый, связанный узами коммуникации, перекликающийся и отражающийся в подобиях, буквально опробованный устами и прослушанный ухом. Именно он получил столь талантливое языковое воплощение в «Слове о полку Игореве», благодаря наличию аудиального кода, выработанного народной устной традицией: *А не сорокы втрискоташа – на следу Игореве ездить Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда врани не грахуть, галици помолькоша, сорокы не трискоташа, полозие ползоша только. Дятлове тектомъ путь къ реце кажутъ, соловиш весельми песньми светъ поведують* [14].

Современный методический курс кубанских говоров сохраняет аудиальный код восприятия мира и транслирует его в повседневном дискурсе: *Доць оттарабаньв писню-марш, та пишиол дальшэ* (ст. Старотитаровская). Музыкальный образ дождя также поддерживается высказываниями *Доць ля'па, шо гра'є* (ст. Старотитаровская). *Доць гра'є, так шо в сон кло'нэ* (ст. Старовеличковская). Кубанец вслушивается в окружающий мир даже в ситуациях, которые, на наш взгляд, больше связаны со зрительными или осязательными впечатлениями. В рассказах о гололеде

встретилось, например, такое высказывание: *Бывает зимой гололёт, а ище гололэ'дыця – ожэлэ'дыця – фсэ звэны'ть, фсэ таракты'ть* (х. Лебедева).

Ф.И. Буслаев подчеркивал, что «провинциальные говоры не искажают первоначального организма русского языка, а только развивают его богатства, и потому все вместе составляют величественное целое, которое называем народным языком» [2, с. 157]. Он одним из первых в научной традиции и учебной практике ввел современные его времени факты устной словесности («наречий») в филологическую традицию «памятниковедения», опубликовав их в своей классической «Исторической хрестоматии» [8].

Сегодня говоры являются устной книгой диалектной лингвокультуры, которая сохраняет разновременные пласты народной картины мира и звенья культурной цепи, обеспечивающие целостность традиции, проявляющие себя имплицитно в наличии и трансляции языкового кода и незримо формирующие духовный склад представителей этнокультуры.

Поэтическое сознание народа формируется на основе существующих языковых ассоциаций, когда слово буквально есть национальная одежда для мысли, «слово – не условный знак для выражения мысли, но художественный образ, вызванный живейшим ощущением, которое природа и жизнь в человеке возбуждали. Творчество народной фантазии непосредственно переходит от языка к поэзии» [2, с. 1–2]. Аудитивный образ природного мира, чуткое вслушивание в него, является, на наш взгляд, основой высокоразвитой песенной культуры, сложившейся на Кубани, – в каждом хуторе, станице есть свой хор (не только профессиональный, но и любительский), много песельников, ценителей фольклорной кубанской традиции.

Литература

1. Большой толковый словарь донского казачества (проф. В.И. Дягтерев) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bookre.org/reader?file=670463&pg=260>.
2. Буслаев, Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства / Ф.И. Буслаев. – Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза», 1861. – Т. 1. Народная поэзия. – 662 с.
3. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры / В. Гумбольдт. – Москва: Прогресс, 1985. – 450 с.

4. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс] / В.И. Даль. – Режим доступа: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=37217>.

5. Иванцова, Е.В. Феномен диалектной языковой личности / Е.В. Иванцова. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2002. – 312 с.

6. Калнынь, Л.Э. Русские диалекты в современной языковой ситуации и их динамика / Л.Э. Калнынь // Вопросы языкознания. – 1997. – № 3. – С. 115–124.

7. Никитин, О.В. «Филология духа». Федор Иванович Буслаев как языковая личность (К 200-летию со дня рождения) / О.В. Никитин // Русский язык в школе. – 2018. – Т. 79, № 5. – С. 79–86.

8. Никитин, О.В. «Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков» Ф.И. Буслаева как памятник филологической культуры XIX века / О.В. Никитин // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2018. – № 4 (173). – С. 82–88.

9. Никитин, О.В. Федор Иванович Буслаев и язык Отечества (К 200-летию со дня рождения) / О.В. Никитин // Русская речь. – 2018. – № 3. – С. 48–56.

10. Пивень, А.Е. Торба смеха и мешок хохота / А.Е. Пивень. – Краснодар: Советская Кубань, 1995. – 221 с.

11. Словник полтавських говорів. Випуск перший. – Харків, 1960. – Вип 1. – 107 с.

12. Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). – Москва, 1969. – 612 с.

13. Словарь української мови / упор. з дод. влас. матеріалу Б. Грінченко: в 4-х т. – Київ: Вид-во Академії наук Української РСР, 1958.

14. Слово о полку Игореве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://old-russian.chat.ru/05slovo.htm>.

15. Ткаченко, П.И. Кубанский говор. Опыт авторского словаря / П.И. Ткаченко. – Москва: Граница, 1998. – 238 с.

16. Толстой, Н.И. Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин [Электронный ресурс] / Н.И. Толстой // Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – Москва, 1995. – С. 27–40. – Режим доступа: <http://philology.ru/linguistics1/tolstoy-95a.htm>.

17. Трегубова, Е.Н. Человек и стихия в диалектном метеодическом дискурсе: коммуникативнопрагматический анализ (по данным электронного корпуса диалектной культуры Кубани) / Е.Н. Трегубова // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 2 (104). – С. 134–137.

18. Цивьян, Т.В. Отражение звукового пейзажа в языке и в тексте (на материале русской загадки) / Т.В. Цивьян // Мир звучащий и молчаливый: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян / отв. ред. С.М. Толстая. – Москва: Индрик, 1999. – С. 149–179.

E.N. Tregubova

A WORD AS THE “VIBRANT VIEW”: THE AUDITORY CODE OF DIALECTICAL TRADITION IN THE LIGHT OF LINGUOCULTURAL IDEAS OF F.I BUSLAEV (BASED ON THE MATERIAL OF KUBAN REGIONAL DIALECTS)

In light of the ideas of F.I Buslaev, the article contains the linguocultural analysis of the dialectic vocabulary which reflects auditory impressions of the Kuban region residents who are the speakers of Kuban regional dialects. It is a secondary formation dialect, generated in the process of exploration of the north-eastern part of Kuban region by Zaporozhye's Cossacks after their resettlement. The famous scholar's course of the analysis was developed in the recent works of dialectologists specializing in ethnolinguistics. The ethnolinguistical analysis reveals the ethnocultural personality of a Kuban region resident who perceives the world in its diverse realizations (sounds, colours, forms and images) and verbalizes it in dialect words.

Auditory code, dialectic tradition, ethnolinguistical analysis, Kuban regional dialects..